

Я ПОВАР —*—*—*— В ИМПЕРИИ ГУРМАНОВ

Арон Родович

Том 2

Арон Родович

**Я повар в Империи
гурманов. Том 2**

«Автор»

2026

Родович А.

Я повар в Империи гурманов. Том 2 / А. Родович — «Автор»,
2026

Моя история продолжается в академии гурманов. Но я уже понимаю, что этот мир намного сложнее, интереснее и опаснее, чем казался на первый взгляд.

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Интерлюдия 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Арон Родович

Я повар в Империи гурманов. Том 2

Интерлюдия 1

Свет бил в лицо. Лампа висела прямо над ним, низко, на уровне глаз. Когда он пытался поднять голову, свет вгрызался в зрачки, мозг мгновенно отвечал болью, тупой, от висков до затылка, как будто внутри черепа что-то набухло и давило на стенки изнутри. Он перестал поднимать голову. Сидел, опустив подбородок на грудь, и смотрел на свои колени, на тёмные пятна на джинсах — кровь, его, засохшая, бурая, и рядом с ней — другие пятна, мокрые, свежие, от воды, которой его облили час назад, когда он начал терять сознание и они решили, что это неудобно.

Стул был деревянным, с жёсткой спинкой, его руки были привязаны за ней — не хомутом, как в машине, на этот раз грубой, толстой верёвкой, она врезалась в запястья при каждом движении, и он перестал двигаться, потому что кожа под верёвкой давно лопнула, и каждый рывок открывал рану шире, боль от этого была мелкой по сравнению с остальным, но мелкая боль иногда хуже крупной, потому что от крупной можно уплыть, а мелкая держит на месте, как якорь.

Комната была маленькой. Стены — бетон, голый, серый, с пятнами сырости в углах. Пол — тоже бетон, холодный, и холод поднимался от него, проходил через подошвы ботинок, через ноги, через всё тело, и добирался до того места в груди, где сердце стучало медленнее, чем должно, и каждый удар ощущался отдельно, как шаг по пустому коридору.

Перед ним стоял стол — железный, канцелярский, с поцарапанной поверхностью, на которой не было ничего, кроме пепельницы с тремя окурками и пустого стакана с мутными разводами на стенках.

За столом сидел человек. Все как обычно в таких случаях.

Он видел его плохо — лампа слепила, лицо человека сидящего в тени было скрыто, различались только его контуры: широкие плечи, короткая стрижка, руки, сложенные на столе, с пальцами, которые постукивали по металлу ровно, размеренно, как метроном. Этот стук шёл уже давно — может час, может два, — и за это время стал частью пространства, частью воздуха и боли, которая заполняла комнату, как вода заполняет ёмкость, медленно, аккуратно, без спешки, пока не дойдёт до краёв.

Утро. Он понял это по внутреннему ощущению. Утро означало, что прошла ночь. Целая ночь с момента, когда его вытащили из переулка, затолкали в машину, привезли сюда и начали бить. Он считал время по боли — первый удар был в живот, и он согнулся, от этого удара прошло столько времени, что боль успела стать тупой, привычной, встроенной в тело, как ещё один орган, который всегда был на месте. Потом — лицо. Левая скула, правая бровь, губы. Губы разбили первыми, кровь, которая текла из них, имела вкус — железный, тёплый, солёный, — и он глотал её, потому что сплёвывать не было сил, и желудок принимал её вместе с кровью из разбитого носа, и внутри всё это смешивалось в густую тошноту, которая подкатывала к горлу волнами и отступала, и подкатывала снова.

Левый глаз не открывался. Заплыл — он чувствовал, как веко натянулось, припухшее, горячее, щель, через которую он мог смотреть, была такой узкой, что мир с левой стороны превратился в полоску, размытую, бесполезную. Правый глаз работал, но тоже плохо — удар по брови рассёк кожу, и кровь, которая засохла коркой, тянула веко вниз, моргать было больно, и не моргать тоже было больно. Он выбрал из двух болей ту, что тише, и смотрел на свои колени, почти не моргая, слушал, как пальцы человека за столом стучат по металлу.

Дверь открылась. Звук был коротким, резким — скрежет петель, шаг, шелчок замка, — и в комнату вошёл второй. Он узнал его по походке, по тому, как тот ставил ноги — тяжело, всей стопой, с характерным шарканьем, которое означало либо усталость, либо привычку ходить по бетону. Вчера этот второй стоял сзади, пока первый задавал вопросы, и каждый раз, когда ответа не было, второй бил — молча, без предупреждения, с той механической точностью, которая бывает у людей, для которых это работа.

Второй подошёл к столу и положил на него ноутбук. Серый, тонкий, с царапиной на крышке. Открыл, развернул экраном к первому. Тот посмотрел, кивнул, и по тому, как он кивнул — коротко, без удивления, — было понятно, что он знал, что увидит.

Он развернул ноутбук к пленнику.

— Смотри, — сказал первый.

Голос был без злости, без угрозы, и в этом ровном тоне было больше давления, чем в любом крике, потому что крик — это потеря контроля, а этот человек контроль не терял. Ни разу за ночь. Когда били — били спокойно. Когда спрашивали — спрашивали спокойно. Когда ждали ответа и не получали его — ждали спокойно, и в спокойствии была та терпеливость, которая пугала больше, чем нетерпение, потому что нетерпеливый человек может устать и уйти, а терпеливый будет сидеть, пока не получит то, за чем пришёл.

Червь поднял голову. Лампа ударила по глазам, и он зажмурился, потом медленно открыл правый глаз, и экран ноутбука стал единственным, что он увидел, — ярким прямоугольником в тёмной комнате, как окно в другой мир, в тот мир, который был снаружи, за бетонными стенами, за запертой дверью, за ночью, которую он провёл на этом стуле.

На экране была новостная страница. Заголовок крупным шрифтом, буквы расплывались перед его правым глазом, и ему пришлось проморгаться, медленно, больно, чтобы текст стал читаемым.

«За вечер ограблены одиннадцать аптек в трёх районах города. Похищены ингредиентные препараты на сумму, превышающую годовой оборот фармацевтического сектора района. Полиция и имперская комиссия начали совместное расследование.»

Одиннадцать. Число вошло в мозг и осталось там, тяжёлое, как камень, брошенный в мелкую воду. Одиннадцать аптек. За один вечер. И все это из-за него. Искали место сбыта. Искали заказчика. Искали то, что он привез в тележке.

Первый нажал что-то на клавиатуре. Экран сменился. Видео — тёмное, зернистое, с временным штампом в правом верхнем углу, и ракурс был характерным, сверху и чуть сбоку, — камера наблюдения. Аптечный зал, стеллажи, прилавок, и в кадр вошли фигуры — тёмная одежда, закрытые лица, быстрые движения, — и они прошли вдоль стеллажей и сметали содержимое полок в сумки, звук был выключен, и от этого беззвучия видео становилось хуже, потому что без звука насилие выглядит аккуратным, техничным, как хирургическая операция, и это делает его страшнее.

Первый переключил на другое видео. Другая аптека, другой ракурс, те же действия — вход, витрина, стеллажи, сумки. Потом третье. Четвёртое. Каждое длилось несколько секунд, и каждое было похожим на предыдущее, и в этом сходстве — одинаковая одежда, одинаковые движения, одинаковая скорость — читался почерк, единый, отработанный, как единый рецепт, по которому готовят в сети ресторанов: одна и та же последовательность, одни и те же ингредиенты, одно и то же время исполнения. Последнее видео началось. Аптека. Та же камера сверху, тот же угол. Фигуры вошли, прошли в подсобку, вышли с сумками, и всё это было похожим на предыдущие записи, но в этот раз в кадре появилась девушка.

Её тащили из подсобки за волосы, её ноги скользили по мокрой плитке, лицо было белым, и рот был открыт, но звука не было, и от этого крик, который она, очевидно, издавала, казался ещё громче, потому что мозг дорисовывал звук сам, и дорисованный звук всегда хуже насто-

ящего. Её поставили на колени посреди зала. Фигура за ней достала оружие, ствол поднялся, и лёг ей на висок, девушка закрыла глаза.

Первый нажал паузу. Кадр замер — девушка на коленях, ствол у виска, закрытые глаза. Изображение было зернистым, тёмным, лицо девушки было маленьким на экране, но видно было достаточно, чтобы понять: молодая, лет двадцать пять, может меньше, и в этом замершем кадре она выглядела так, как выглядят люди на фотографиях, сделанных за секунду до того, как всё меняется, — ещё живые, ещё целые, ещё те, кем они были.

— Это всё из-за тебя, — сказал первый.

Он произнёс это тем же ровным голосом, без нажима, без акцента на «тебя», как будто сообщал факт, который не требует ни подтверждения, ни опровержения. Констатация. Ноутбук стоял перед Червём, и замерший кадр светился в полутёмной комнате, девушка на коленях смотрела из экрана закрытыми глазами, и Червь смотрел на неё одним правым глазом, и в его голове, которая болела так, что мысли приходили через боль, как звук приходит через стену, — в его голове крутилось одно: он не знал её. Он никогда не видел эту девушку. Она работала в аптеке, раскладывала лекарства по полкам, закрывала дверь на ключ и вешала табличку «Закррито», и её жизнь не имела к нему никакого отношения, и его жизнь не имела к ней никакого отношения, и всё-таки этот человек за столом сказал «из-за тебя», и в этом «из-за тебя» была логика, которую Червь понимал, потому что работал в системе достаточно долго, чтобы знать: в сети каждый узел связан с каждым, и когда один узел дёргают, дрожит вся конструкция.

Первый закрыл ноутбук. Щелчок крышки прозвучал в тишине комнаты отчётливо, как выстрел, которого не было на видео, потому что видео остановили на секунду раньше.

— Кому ты вёз контрабанду?

Тишина. Червь сидел на стуле, и его тело было одной сплошной болью — лицо, рёбра, запястья, спина, и внутри этой боли, как зерно внутри скорлупы, сидело решение, которое он принял ночью, где-то между третьим и четвёртым ударом, когда мозг, задавленный болью, вдруг стал ясным, прозрачным, как вода после того, как муть осела на дно. Решение было простым. Он не скажет. Он не скажет, потому что за ответом стоят люди, и эти люди — не абстрактные фигуры на доске, а конкретные, живые, с именами, которые он помнит, с лицами, которые он знает, и если он произнесёт хотя бы одно имя, цепочка потянется дальше, и каждое следующее звено — это чья-то жизнь, чья-то семья, чей-то ребенок.

Он не открыл глаза. Не открыл рот. Из горла вышел звук — хриплый, мокрый, похожий на дыхание человека, который простудился и пытается вдохнуть через забитый нос, — и это было всё, что он дал, и первый за столом понял, что это — всё.

Первый откинулся на стуле. Спинка скрипнула под его весом, и он потёр лицо ладонями — жест усталости, первый за всё время, первая трещина в том контроле, который он держал с вечера, — и повернулся ко второму, который стоял у двери, прислонившись плечом к косяку.

— Сделай мне кофе, — сказал он. — И себе. Будет длинный день.

Второй вышел. Дверь закрылась, первый остался с Червём, между ними стоял стол с закрытым ноутбуком и пепельницей. Тишина была такой, какая бывает между людьми, где один из которых задал вопрос, а второй дал ответ, и ответ был молчанием, оба знали, что молчание это тоже ответ, и он яснее любых слов.

Первый смотрел на Червя. Червь чувствовал этот взгляд кожей, не видел, потому что глаза были закрыты, но чувствовал, как чувствуешь тепло лампы или холод сквозняка, и взгляд этот был оценивающим, взвешивающим, как взгляд человека, который решает, стоит ли продолжать работу с материалом, который не поддаётся.

Второй вернулся. Запах кофе вошёл в комнату раньше, чем он, — горький, густой, и Червь почувствовал его разбитым носом, желудок отреагировал спазмом, потому что послед-

ний раз он ел вчера утром, и с тех пор внутри было пусто, кофейный запах напомнил телу о голоде, который мозг запретил чувствовать, но тело не послушалось.

Звякнула кружка о стол. Потом вторая.

— Ну что? — спросил второй. Голос был ниже, грубее, с хрипотцой, которая бывает у курящих людей. — Молчит?

— Молчит, — подтвердил первый. Он отпил кофе, Червь услышал глоток — короткий, деловой, как глоток человека, который пьёт не ради удовольствия, а ради функции. — С вечера ни слова. Даже не просит воды.

— Может, уже не соображает?

— Соображает. Видел, как он смотрел на экран. Правый глаз работает. Он всё видел, всё понял. Просто решил молчать.

Пауза. Второй, судя по звуку, тоже пил кофе, и делал это медленнее, с паузами, и между глотками Червь слышал его дыхание — тяжёлое, через нос, с присвистом, как у человека, которому перебили переносицу когда-то давно и она срослась неровно.

— И сколько он может так сидеть? — спросил второй.

— Столько, сколько хватит упрямства. У таких оно обычно длинное. Этот с детства таскает контрабанду, такой характер, который не ломается за ночь.

— За две?

— За две — может быть. Может, за три. Вопрос, есть ли у нас три ночи.

Второй помолчал. Потом его голос стал тише, ближе, как будто он наклонился к первому, чтобы Червь не слышал, — но комната была маленькой, и бетонные стены отражали звук, Червь слышал каждое слово, хотя слова приходили к нему через вату боли и усталости, и ему приходилось собирать их по одному, как собирают рассыпанные монеты.

— Есть вариант, что из него вообще ничего не вытянешь, — сказал второй. — Я таких видел. Они решают один раз — и всё. Дальше можешь ломать до костей, результат тот же. Он уже решил. По глазам видно. Точнее, по тому, что глаза закрыты, — когда человек закрывает глаза, он уходит внутрь, и оттуда его не достать.

Первый не ответил сразу. Червь услышал, как ложка звякнула о край кружки — первый размешивал сахар, или то, что заменяло сахар, — и этот звук, бытовой, домашний, был настолько неуместным в этой комнате, что мозг Червя зацепился за него и держался, как тонущий держится за доску, потому что звук ложки о кружку был из того мира, где люди пьют кофе по утрам и разговаривают о погоде, и этот мир всё ещё существовал, за стенами, за дверью, за этим утром, и в нём Катя, наверное, уже проснулась и думает, почему он не звонит.

Катя.

Имя всплыло в голове чётко, ясно, как будто кто-то произнёс его вслух. Катя. Он помнил. Ещё помнил. Корень, который он съел вчера в коридоре, ещё держал — волна, прошедшая через мозг, ещё работала, и имена стояли на своих местах, лица были лицами, мир был миром, знакомым, целым, с деталями, с запахами, с именем сестры, которое звучало в голове так, как звучит колокол в тихом дворе.

Но корня больше не было. Два куска лежали в кармане его куртки, куртку забрали, он понял это ещё ночью, когда холод стал острее и спина ощутила спинку стула без прослойки ткани.

Без корня — один день. На второй имена начнут уплывать. На четвёртый — лица.

Он считал. Последний приём — вчера, в коридоре, около семи вечера. Сейчас утро — значит, прошло около двенадцати часов. Действие одного куска длилось примерно сутки, иногда чуть дольше, в зависимости от нагрузки на мозг. Побой — нагрузка. Стресс — нагрузка. Страх — нагрузка. Всё, что происходило с ним в этой комнате, сжигало действие корня быстрее, чем обычный день. Он чувствовал это — не как конкретное ощущение, а как лёгкую дымку на краю сознания, как туман, который ещё далеко, но уже виден, и ты знаешь, что он прибли-

жается, и знаешь, что когда он придёт, мир станет мягче, размытее, имена начнут соскальзывать с полок памяти, как книги с наклонённого стеллажа.

И в этом была его защита.

Мысль пришла ночью, между ударами, в тот короткий промежуток ясности, который наступает после сильной боли, когда тело сдаётся, а мозг, освобождённый от необходимости бороться, начинает думать с той холодной чёткостью, которая бывает только у людей, у которых не осталось других инструментов. Они хотели имена. Он знал имена. Пока он помнил, он был опасен для тех, кого знал, — каждое имя в его голове было патроном, который могли вложить в чужое оружие и выстрелить в людей, которые ему доверяли. Все, кто поставлял ему контрабанду, у всех были семьи, которые иногда даже не знали, чем занимались их мужчины. перевалочные точки, контактные лица, даже те ныряльщики, которые доставали корень на северо-западе и передавали его по цепочке, и каждое звено этой цепочки — живой человек, который утром пьёт кофе, вечером возвращается домой и надеется, что завтра будет таким же, как сегодня. Он знал их. Не всех по имени, но достаточно, чтобы запустить механизм, который перемелет их одного за другим.

Корень закончится. Туман придёт. И когда он придёт, имена начнут исчезать, одно за другим, как огни, которые гаснут вдоль дороги, и через четыре дня в его голове не останется ничего, кроме мути, и даже если его будут бить ещё неделю, ещё месяц, — он не сможет назвать имя, потому что не будет помнить ни одного. Он не сможет выдать того, кого не помнит.

Память, которая была его проклятием, станет его щитом. Болезнь, которая отнимала у него мир по кусочку, сейчас защитит тех, кто в этом мире остался. Нужно было только дожидаться. Просидеть на этом стуле, с закрытыми глазами, с разбитым лицом, с верёвкой на запястьях, — и ждать, пока туман сделает то, что он делал всю его жизнь: заберёт. Только на этот раз он заберёт то, что нужно, и защитит тех, кого нужно.

Цена была известна. Он заплатит памятью. Всей. Не только именами — лицами, головами, запахами, тем утром, когда он сказал «доброе утро, Катя», и она заплакала, и этим воспоминанием, которое он хранил глубже всех остальных, в том месте, куда болезнь добиралась последней. Если туман зайдёт достаточно далеко, он заберёт и это. И тогда он, Червь, тридцати лет, перестанет быть собой и станет тем, чем был в одиннадцать лет, — мальчиком, который смотрит на знакомое лицо и не может вспомнить, как оно называется.

Но они будут живы. Все. Поставщики, заказчики, ныряльщики с северо-запада, контактные лица на перевалочных точках, и Катя, которая будет приходить к нему, садиться на край кровати, и говорить «я Катя, твоя сестра, ты Коля», и он будет кивать и верить, как верил в одиннадцать лет, и не будет помнить, почему.

Время шло. Червь сидел на стуле и держался за сознание, как держатся за перила на обледенелой лестнице, — пальцами, из последних сил, чувствуя, как хватка слабеет с каждой минутой. Ему нужно было оставаться в сознании ровно для одного: чтобы помнить, что нельзя говорить. Пока он помнил это правило, он был в безопасности. Пока правило сидело в голове, как гвоздь, вбитый в стену, — он мог висеть на нём, мог цепляться за него, мог повторять его про себя, как молитву, которая держит человека на плаву, когда вода поднимается.

«Нельзя выдавать. Нельзя выдать. Нельзя.»

Первый и второй разговаривали. Он слышал их голоса — далёкие, приглушённые, как голоса из соседней комнаты, хотя они сидели в трёх метрах от него. Кофе остывал. Обсуждали что-то — сроки, маршруты, имена, которые он не узнавал, потому что они были из другого мира, из их мира, и его мир сужался с каждым часом, как луч фонаря, который садится, и круг света становится меньше, и тени подступают ближе.

Они уходили и возвращались. Приносили еду — запах хлеба, мяса, — и не предлагали ему, но он не просил, потому что просить значило открыть рот, а открыть рот значило риск-

нуть, что вместо слова «хлеб» выскочит имя, и имя полетит, как камень с горы, и вызовет лавину, которую не остановить.

День прошёл. Или прошла его часть — Червь потерял счёт. Дымка на краю сознания стала плотнее. Он чувствовал это — как лёгкое онемение в той части мозга, которая отвечала за имена, как будто кто-то накрыл полку с табличками тонкой тканью, буквы на табличках стали менее чёткими. Пока ещё читаемыми. Пока ещё.

Катя. Помнил. Заказчик — помнил лицо, помнил привычку вытирать руку. Дядя Гриша — помнил руки, большие, с короткими пальцами. Переулок — помнил запах бензина и мокрого асфальта. Тележка — помнил скрип. Всё пока на месте. Но ткань лежала поверх, и он знал, что утром, когда проснётся — если уснёт, если позволит себе уснуть, — ткань будет плотнее, и буквы на табличках будут бледнее, и какое-нибудь имя, не самое важное, не Катя, но чьё-то, — соскользнёт первым, и он не заметит, потому что так работает забвение: оно не предупреждает, оно просто стирает, и ты узнаёшь об этом только тогда, когда тянешься к полке и обнаруживаешь пустое место.

Первый встал. Стул скрипнул. Шаги к двери. Второй тоже встал, и его шаги — тяжёлые, с шарканьем — прошли мимо Червя, и он почувствовал движение воздуха, когда они проходили рядом, и запах — кофе, табак, пот, — дверь открылась, и свет из коридора на мгновение лёг на пол комнаты жёлтой полосой.

Щелчок выключателя. Лампа над головой погасла. Темнота пришла мгновенно, как вода, которая заливает яму, — полная, без щелей, без остатков света, дверь закрылась, замок щёлкнул, шаги удалились по коридору, и затихли. Комната стала тем, чем была без людей и без света: бетонной коробкой, в которой сидел человек на деревянном стуле, с закрытыми глазами, с разбитым лицом, со связанными руками.

Темнота была тёплой. Он знал, что это обман — комната была холодной, бетон был холодным, воздух был холодным, но без лампы, которая жгла глаза и напоминала о том, где он находится, темнота обняла его, как одеяло, и в этом объятии было что-то, что позволило телу, впервые за сутки, расслабиться на миллиметр, на волосок, и этот миллиметр был таким ощутимым, таким огромным, что из горла вышел звук — тихий, мокрый, то ли стон, то ли выдох, то ли начало плача, который он задавил, потому что плакать было некогда.

Губы шевелились. Слова выходили шёпотом, без голоса, одним дыханием, и он повторял их, как повторяют считалку, которую заучил в детстве и которая всплывает сама, когда мозг ищет опору.

— Нельзя выдавать нельзя выдать нельзя выдавать

Шёпот уходил в темноту и терялся в ней, темнота принимала его, стены не отражали, слова не возвращались, и он продолжал шептать, потому что пока он шептал — он помнил, зачем шепчет, и пока помнил зачем — держался, и пока держался — они были в безопасности, все, каждый, и заказчик, и ныряльщики, и Катя, которая завтра придёт к нему и скажет «я Катя, твоя сестра», и он, может быть, ещё вспомнит, а может быть, уже нет, и тогда она скажет это ещё раз, терпеливо, без обиды, как говорила, когда ему было двенадцать, и он кивнёт и поверит, потому что верить легче, чем помнить.

— Нельзя выдавать

Темнота молчала.

— Нельзя выдать

Стул скрипнул под его весом. Тело сползло чуть ниже, верёвка на запястьях натянулась, и боль, которая давно стала фоном, вспыхнула и снова угасла, и дыхание замедлилось, и шёпот стал тише, и буквы на табличках в голове стали бледнее, на одну тысячную тона, и он этого не заметил.

— Не выдавать

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.